

П Е Т Р Р О М А Н О В
ВОЗМОЖНАЯ
РОССИЯ

РУССКИЕ ЭВОЛЮЦИОНЕРЫ

Петр Романов

**Возможная Россия.
Русские эволюционеры**

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

Романов П. В.

Возможная Россия. Русские эволюционеры / П. В. Романов —
«РИПОЛ Классик», 2018

ISBN 978-5-521-00872-8

Книга посвящена русским эволюционерам – людям, которые двигали Россию вперед, делая при этом ставку не на революционную ломку всего и вся, а на постепенное, но неуклонное развитие Российского государства.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-521-00872-8

© Романов П. В., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

От автора	6
Иван III – первый из великих	7
Алексей Федорович Адашев. Портрет спамятника «Тысячелетие России»	11
Афанасий Ордин-Нащокин – предтеча Петра Великого	16
Федор Михайлович Ртищев – гражданин без гражданского общества	21
Царь Федор Алексеевич – государь, сделавший все, что мог	25
Никита и Акинфий Демидовы – первые русские «рудознатцы»	29
Князь Дмитрий Михайлович Голицын. первая попытка ограничить самодержавие	33
Николай Иванович Новиков. Тяжкий крест просветителя	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Петр Романов

Возможная Россия. Русские эволюционеры

*Прочные результаты получаются лишь тогда, когда они
подготавливаются исподволь.*

*Герберт Спенсер, английский философ, один из родоначальников
эволюционизма*

© Романов П. В., 2018

© ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии»,
2018

* * *

Писатель, придаст, политический обозреватель, автор и ведущий программы «Осторожна история» Петр Валентинович Романов как никто другой понимает, какой могла быть история России, в которой удавалось бы осуществлять эволюционные проекты, внимательно оценивая цели и средства, мечты и возможности. Эволюция меняет мир, опираясь на здравый смысл. О людях, считавших своим долгом ежедневно работать во имя своей страны, способных изменить ее судьбу, пойдет речь в этой книге. Среди героев «Возможной России» такие эволюционеры, как Г. А. Потёмкин, П. Л. Капица, Е. М. Примаков и многие другие.

От автора

Эта книга не о Дарвине и его последователях. Она об отечественной истории и обществе, которое тоже эволюционирует. И здесь есть о чем поговорить. наших историков, к сожалению, все время тянет к полюсам: либо декабристы – либо Николай I, либо революция – либо реакция. Но на самом деле историю куда в большей степени творят эволюционеры. Причем ежедневно, без излишнего пафоса, никому не отстригая бороды и не ломая костей. Внимательно взвешивая на своих весах цель и средства, мечту и возможности.

Эволюционеры – это люди, считающие своим долгом работать на Россию, какой бы за окном ни был век и какая бы ни стояла политическая погода. Именно они безостановочно двигают страну вперед. Революционный энтузиазм через какое-то время неизбежно сменяется усталой апатией, и, разогнавшись в начале, страна затем обязательно начинает тормозить. Мы это уже проходили. Эволюция, не требуя у мироздания: «Время, вперед!», просто равномерно шагает все дальше и дальше. И терпеливо меняет мир, опираясь на здравый смысл.

Недаром «наше всё» – Александр Пушкин, пройдя в своей жизни через декабризм, польское восстание, изучив опыт пугачевщины и Французской революции, свою итоговую мысль формулирует уже как убежденный эволюционер: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

И здесь есть свои великие: герои и жертвы. И для них что ни век, то «век железный». Как заметил японец Харуки Мураками: «Эволюция – очень жестокая штука». Это верно вне зависимости от того, касается это межвидовой борьбы или вопроса эволюции общества и человеческой души.

О том и книга.

Иван III – первый из великих

Великих в отечественной истории немало. Кто-то оказался великим просто в силу своей родословной (одних только великих князей не счесть). Кто-то из государей стал великим лишь потому, что этот титул ему преподнес льстивый ближний круг. Правда, история подобные недоразумения обычно исправляет, так что казус быстро забывается.

Первым подлинно великим из российских правителей стал Иван III (сын Василия Темного). Собственно, мы и сегодня живем в государстве, созданном именно этим человеком (1462–1505). И хотя у многих из нас есть к нашему государству серьезные претензии, это уже не его вина – фундамент Иван III заложил основательный. Все вопросы к его последователям, многие из которых действительно катастрофически не поспевали за временем.

Николай Карамзин ставил его выше Петра I, ибо Иван III сделал великое государственное дело, не прибегая к насилию над народом. Некоторое преувеличение в таком утверждении, конечно, есть. Созидать государство в белых перчатках не дано никому. Вот и Иван III, чтобы присоединить к остальным русским землям своевольный Новгород, не раз ходил на него с мечом. Но в целом мысль Карамзина справедлива, поскольку ненасилие было главным инструментом государственного строительства во времена Ивана III. Кого-то он побеждал дипломатически, а кое-что по-хозяйски прикупил, например, ростовские земли. Поэтому в целом его смело можно причислить к эволюционерам.

К тому же, как говорят летописи, был Иван III человеком осторожным и расчетливым, к своей цели двигался упорно, но шагами медленными, предпочитая не рисковать. Поставленную перед собой задачу решал, умело пользуясь удобными случаями и благоприятными обстоятельствами. А это как раз типичная «походка» эволюционера. И тем не менее, нигде не ускоряя шага, Иван Васильевич прошел огромный путь.

Хороший тому пример – тот же Новгород. Завоевать новгородские земли Москва могла и раньше, сил для этого уже хватало. Однако Иван предпочел ждать благовидного предложения. И дождался, когда члены новгородской делегации, прибывшей в Москву на переговоры, по неосторожности назвали Ивана Васильевича не «господином», как именовали раньше, а «государем». Тут же к новгородцам послали гонцов с вопросом: «Какого государя они хотят?»

Все отговорки вече, что делегацию никто не уполномочивал признавать хозяина Москвы новгородским «государем», оказались тщетны. В ответ Иван лишь обвинил вече в нанесении ему оскорбления и выступил против них в поход. То, что предложение было надуманным, это понятно. Однако Иван вел политическую игру. В Новгороде имелись не только его противники, но и сторонники присоединения к Москве. Так что он просто подыгрывал своей «партии».

Не менее осторожно действовал и дальше. На штурм города не пошел (к чему ненужные потери?), а предпочел подождать, пока настроения в городе не изменятся и осажденные новгородцы сами не откажутся от своей независимости. Иван был хитроумным и терпеливым политиком.

Чтобы оживить память, – несколько коротких исторических штрихов: это Иван стал первым именовать себя «государем всея Руси». Причем по праву, поскольку именно он собрал в единый кулак русские земли, составившие ядро нового национального государства. Это при Иване произошло знаменитое стояние на Угре, которое поставило точку на притязаниях Орды диктовать Москве свою волю. Это после женитьбы Ивана на Софье Палеолог государственным гербом русских стал двуглавый орел, благополучно долетевший до нынешних времен. Это при нем преобразился московский Кремль, перестроенный итальянскими зодчими. Успенский собор, Грановитая палата и многое другое – как раз из того времени. Это в ту эпоху появилось знаменитое «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, которое расширило представление

русских о мире. Это при Иване появился Судебник – уникальный по тем временам свод законов, который и сцементировал новое государство.

При Иване Великом появилась и русская внешняя политика. Как пишет Василий Ключевский, если раньше «боролись Москва с Тверью, Рязанью, теперь борются Русь с Польшей, со Швецией, с немцами. Прежние войны Москвы – это усобицы русских князей; теперь это борьба народов. Внешние отношения Москвы к иноплеменным соседям получают одинаковое общее значение для всего великорусского народа. Они не разъединяли, а сближали его местные части в сознании общих интересов и опасностей и поселяли мысль, что Москва – общий сторожевой пост, откуда следят за интересами и опасностями, одинаково близкими и для москвича, и для тверича, для всякого русского».

Тогда же родилась и наша дипломатия, сразу же завязавшая отношения с западноевропейскими государствами. И в первую очередь с Литвой, Польшей, германским императором, Тевтонским и Ливонским орденами.

Наконец, ощущение прибывающей силы заставило русских именно в ту пору вспомнить о болезненных потерях прошлого и открыто заявить, что это уже не только воспоминание, но и притязание, право русских вернуть утерянные когда-то ими земли. Когда литовский князь Александр стал жаловаться Ивану, что русские не возвращают ему захваченные литовские земли, то получил следующий ответ: «А мне разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой: Киева, Смоленска и других городов?»

Именно Иван и поставил задачу: вернуть свое. При этом русские честно предупредили: пока своего не вернем, мира не будет, возможны лишь временные перемирия. Здесь, полагаю, и следует искать корни начала русского противостояния с Западом: Смоленск был все-таки на западе, а не на востоке.

К Ивану III тянутся корни и доктрины «Москва – Третий Рим». В данном случае важна даже не ее суть, сколько сам факт появления подобной идеи в русской голове. Ни Москва, ни Тверь, ни Суздаль в отдельности не могли даже помыслить о том, чтобы сравнивать себя с Римом. А вот государство, созданное Иваном III, почувствовав в себе немалые силы, оказалось уже способно ставить перед собой крупнейшие задачи, как политические, так и идеологические.

Не случайно, озадачившись после смерти первой жены выбором новой супруги, Иван отдал предпочтение племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. Это был политический и религиозный выбор. Однако, если с политикой все ясно – родство с императором власть русского государя, безусловно, укрепляло, то с религией все обстояло куда сложнее. Хотя по незнанию большинство об этом у нас даже не догадывается: раз православная Византия, то какие тут могут быть сложности. Между тем на самом деле Иван серьезно колебался, и решение о браке с Софьей Палеолог далось ему непросто. Ключевский пишет даже о «религиозной брезгливости», поскольку православное наследие Царьграда, по мнению русских, к тому времени себя изрядно запятнало. А потому не вполне «чистой» казалась и сама Софья.

Впрочем, стоит процитировать Ключевского полностью: «Несмотря на то, что греки со времени Флорентийской унии сильно уронили себя в русских православных глазах, несмотря на то, что Софья жила так близко к ненавистному Папе, в таком подозрительном церковном обществе, Иван III, одолев свою религиозную брезгливость, выписал царевну из Италии».

Флорентийская уния 1439 года, на которую Византия пошла в надежде на помощь Рима в отражении турецкого нашествия, представляла собой серьезные уступки католицизму: признание главенства Папы Римского и принятие ряда католических догматов. На Руси подобные уступки были встречены с негодованием. Позже, в 1443 году, Собор православных иерархов в Иерусалиме предал Флорентийскую унию анафеме.

Иногда большую проблему легче понять через деталь. Согласно летописям, обоз невесты Ивана III пересек всю Европу с юга на север, направляясь в немецкий порт Любек. Пока он шел по Западной Европе, проблем не возникало. Во время остановок в городах в честь Софьи устраивались пышные приемы, даже рыцарские турниры. Местные власти преподносили воспитаннице папского престола подарки: серебряную посуду, вина, а горожанки Нюрнберга вручили Софье целых двадцать коробок конфет. Судя по всему, крупный по тем временам презент, если и это попало в летопись.

Однако чем ближе подходил обоз к Москве, тем больше там было волнений. Как выяснилось, в голове обоза папский представитель Антонио Бонумбре вез большой католический крест, с которым и собирался торжественно въехать в православную столицу.

В отличие от конфет, в летописных описаниях путешествия нет ни слова о возражениях со стороны Софьи Палеолог по поводу католического креста, что само по себе говорит о многом. Невеста все-таки была воспитанницей Папы Римского. Весьма похоже, что вместе с Софьей Палеолог Риму очень хотелось привезти в Москву и идею унии.

Не вышло. Митрополит Филипп заявил: если католический крест ввезут в город, он немедленно его покинет. Не понравилась идея торжественного прибытия невесты в Москву под католическим крестом и самому Ивану. Поэтому проблему решили кардинально: боярин Федор Хромой, исполняя поручение Ивана III, просто-напросто силой отнял «крыж» (крест) у папского священника, встретив обоз невесты за пятнадцать верст от Москвы. Действительно, какой уж тут католический «крыж», когда в московском воздухе уже витала идея «Третьего Рима»!

Впрочем, как мудрый политик Иван III прекрасно знал, где надо проявить жесткость, а где гибкость. Составляя для себя новую родословную, достойную царя, он вывел ее от Августа. Как утверждалось, Рюрик (а Иван III был, разумеется, Рюриковичем) – это потомок брата римского императора Пруса в четырнадцатом колене.

На ход мысли тогдашних политтехнологов-мифотворцев стоит обратить внимание. При всем уважении к Царьграду, Иван III счел необходимым связать себя пуповиной с Римом, то есть с Западом. Думается, причина не только в желании добавить несколько веков к родословной. Можно было верить в превосходство православия над католицизмом, однако при этом отдавать себе отчет в том, что Запад во многом ушел вперед по сравнению с Русью. Не способная пока еще перебросить мостик в будущее, чтобы догнать Европу (это произошло только в эпоху Петра I), Москва выстроила мостик в прошлое. Чтобы хотя бы породниться с Западом. И это могло оказаться полезным.

Кстати, кроме прозвища Великий, у Ивана III было и два других: Грозный и Правосуд. Под именем Грозного русская история, правда, запомнила другого государя – его внука Ивана IV (тоже Ивана Васильевича). Это понятно – тот подобное прозвище заслужил больше. А вот Правосуд Ивану III подходит вполне. Судебник, созданный в его эпоху, сыграл в российской жизни немалую роль. Параллельно с появлением на Руси новой политической системы возникла, поддерживая ее, и новая правовая система. Судебник не только обобщил существовавшие ранее судебные акты, но и включил в себя нормы, не имевшие аналогов в предшествующем законодательстве.

Изменилась Русь, изменилось и законодательство. В упрек многим последователям Ивана III можно заметить, что, в отличие от него, другие Рюриковичи, а затем и Романовы за переменами в жизни не успевали. Отсюда и столь частый в нашей истории законодательный хаос. Однако это не о временах Ивана Правосуда.

Единственным черным пятном в правлении Ивана III обычно называют то, что при нем начинается и история крепостного права, которое стало серьезнейшей проблемой для России на многие века. Ну что тут скажешь? Демократом и либералом Иван Васильевич точно не был. Однако в те далекие века подобных политиков не было и в Западной Европе. А по ту сторону

океана еще приносили человеческие жертвы: Колумб открыл Америку только в 1492 году. Так что здесь Ивана III за «политическую безграмотность» придется все же простить.

А в остальном спасибо ему за Россию. Действительно, великий был государь.

Алексей Федорович Адашев. Портрет спмятника «Тысячелетие России»

Фигуру Алексея Адашева на знаменитом памятнике в Новгороде найти среди множества других портретов непросто: за тысячелетие у России накопилось немало выдающихся личностей. Впрочем, как считать, «за кадром» остались сотни миллионов, а вот окольного, воеводу и ближайшего помощника Ивана Грозного создатели монумента сочли справедливым увековечить.

Начиная с карамзинской истории, большинство отечественных исследователей делит эпоху Грозного на два периода: светлый и темный. С первым периодом связано немало нужных стране реформ и впечатляющих завоеваний, со вторым – немало черных страниц правления Ивана IV. Некоторые, впрочем, вносят поправку, замечая, что этот государь, отличаясь умом, и в юные годы был чрезвычайно жесток, так что светлая пауза объясняется лишь тем временным благотворным влиянием, которое на него оказали его первая жена – Анастасия Романовна (из рода будущей царской династии) и несколько людей из его окружения.

Среди тех, кто в ту пору стоял ближе всего к Ивану, в первую очередь обычно вспоминают Адашева и благовещенского священника Сильвестра. Хотя были, конечно, и другие: скажем, князь Андрей Курбский или митрополит Макарий, которые тоже оказывали влияние на молодого царя. Именно эти люди были рядом с государем после страшных московских пожаров (в апреле и июне 1547 года). Народ связал эти пожары с ненавистным ему временщиком князем Юрием Глинским, который все детские годы Ивана IV вместо него правил страной. Начался бунт, и, как результат, в верхнем эшелоне власти произошли серьезные перемены.

Бесконечные интриги при дворе способствовали появлению самых разных оценок и Адашева, и Сильвестра. Но, похоже, главная заслуга попа Сильвестра заключалась лишь в том, что он на время изрядно запугал молодого, но уже в ту пору необузданного царя карой Божьей. Как признавал сам Иван: «Вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой, умилился я и познал свои согрешения».

Да и сам Сильвестр остался в отечественной истории с репутацией сомнительной – как автор «Домостроя». Того самого свода правил, которые несколько веков подряд отравляли жизнь русскому человеку. В первую очередь женщинам. А вот Адашев действительно являлся одним из важнейших двигателей тех реформ, которые выпали на светлый период правления Ивана Грозного.

Алексей Адашев – родом из небогатых провинциальных костромских дворян. Впервые в летописях его имя упоминается в связи с царской свадьбой, где он выполнял обязанности ложничного и мовника, то есть застилал новобрачным постель и сопровождал жениха в баню. А это уже свидетельство его несомненной близости к молодому государю. Согласно некоторым источникам, Адашев и царь вообще дружили чуть ли не с детства. Но это было лишь началом его карьеры.

Позже он оказался в числе руководителей так называемой Избранной рады – ряда царских советников, «мужей разумных и совершенных», по словам Карамзина, ставших фактически неофициальным правительством страны в 1540–1550 годах. По мнению многих историков, Адашев был среди них номером первым, то есть де-факто – премьером. Заведовал Челобитным и Казенным приказами, являлся хранителем личного архива царя вместе с печатью «для скорых и тайных дел». На него же была возложена задача составления новой общегосударственной летописи.

Как видим, немало обязанностей и ответственности. Причем выдвинулся Адашев из провинциальных, худородных дворян, то есть исключительно благодаря своим талантам и трудолюбию.

Назову лишь некоторые из дел, к которым приложил руку Адашев: созыв самого первого Земского собора для утверждения Судебника 1550 года, созыв церковного собора Стоглава в 1551 году, покорение Казани в 1552 году и Астрахани в 1556-м, дарование так называемых уставных грамот, определивших самостоятельные суды общин, улучшение положения служилых людей. Боролся Алексей Адашев, как мог, и против старого, традиционного в ту пору отечественного зла, тормозившего развитие страны, – местничества.

Занимался военной реформой: стрельцы появились при нем. Это уже много позже стрельцы стали архаикой, а тогда составили основу русского воинства. Создал по тем временам и нечто вроде военной элиты – «избранную тысячу» воинов из дворян, которым дали землю под Москвой, чтобы всегда были под рукой. По мере сил укреплял Адашев столь нужное в армейской службе единоначалие. С этим тогда была большая проблема: желающих покомандовать среди бояр хватало. Да и сам не раз воевал: в 1560 году вместе с князем Иваном Мстиславским он, например, возглавлял армию, взявшую в Ливонии мощную крепость Феллин. А во время осады Казани в 1552 году даже занимался инженерными работами. Иначе говоря, на памятнике в Новгороде фигура Алексея Адашева появилась не случайно.

Не говоря уже о том, что именно этот человек в ту пору вел все важнейшие для страны внешнеполитические дела. В 1551 и 1552 годах Адашев ведет переговоры с казанским царем Шиг-Алеем, в 1553-м – с ногайцами, в 1554, 1557 и 1558 годах с – Ливонией, в 1558-м и в 1560-м – с Польшей, в 1559 году – Данией. И везде твердо защищает русские интересы.

Правда, на этом внешнеполитическом направлении наметились и первые принципиальные расхождения с царем. Алексей Адашев после присоединения Казани и Астрахани настаивал на крымском походе, учитывая тот огромный вред, что наносило русской земле Крымское ханство. Между тем Иван Грозный ратовал за выход к Балтике, что открывало для русских огромные возможности, то есть за войну с Ливонией. Но воевать на два фронта было невозможно. Приходилось выбирать.

С точки зрения истории, правы были оба. И оба, как доказала та же история, забежали вперед. Лишь значительно позже как ту, так и другую крайне важную для себя задачу Россия решила. Петр I прорвался к Балтике, а Екатерина II присоединила Крым.

О человеческих качествах Адашева, по причине придворных интриг, в источниках можно найти полярные оценки. С точки зрения его противников, Адашев в качестве премьера был «суров и властен». С точки зрения его сторонников, все, естественно, наоборот. Современник Адашева князь Андрей Курбский считал его «подобным земному ангелу». В среде тогдашних реформаторов Адашев слыл человеком аскетичным, справедливым и глубоко религиозным.

Очень нравился он и многим более поздним исследователям того периода. Известный дореволюционный историк Николай Лихачев об Алексее Адашове, например, писал: «Личность... сияет таким ярким светом доброты и непорочности, является таким образцом филантропа и гуманиста XVI века, что не трудно понять ее обаяние на все окружающее».

Впрочем, важнее все же суть реформ, которые проводили Адашев и его единомышленники. Разумеется, без одобрения государя эти перемены были бы невозможны, однако тогдашние идеи все же родились не в царской голове и осуществлял их не он. Слишком еще был молод, да и находился под влиянием своего окружения. Позже, когда реформаторы впали в немилость, Иван Грозный, может быть, и не зря жаловался: «...сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел». А саму Избранную раду Иван Грозный позже уже именовал не иначе как «со-бацким (собачьим) собранием», то есть фактически отрешиваясь от реформ своей юности.

А зря. Не был бы Иван Грозный столь эмоционален и гневлив, то, трезво подумав, наоборот, записал бы реформы тех лет в свой актив. Февральское совещание 1549 года (его иногда называют Собором примирения) стало фактически первым Земским собором. А это означало, по мнению ряда историков, превращение Русского государства «в сословно-представительную монархию, создание центрального сословно-представительного учреждения». Другими словами, впервые в отечественной истории важнейшие решения в жизни государства начали приниматься не единолично государем или группой лиц, приближенных к нему, а хотя бы представителями господствующего класса, где значительную роль уже играли дворяне.

Русский народ и в этом случае оставался вдали от рычагов власти, однако это был все же шаг в верном направлении. Тот факт, что позже, в эпоху все того же Ивана Грозного, страна снова скатилась к неограниченному самодурству первого лица, не отменяет исторической важности первого Земского собора.

Важнейшим делом собора стало утверждение нового Судебника. Сама суть этого документа, который затрагивал огромный пласт вопросов землевладения, отношения крестьян и хозяев, центрального и местного управления, – это, конечно, отдельная тема. Здесь же отметим лишь своевременность его принятия. Прежний Судебник 1497 года безнадежно устарел. Изменилось государство, и эти изменения требовалось учесть в новом законодательстве. Что и сделали. Из девяти статей Судебника, утвержденного Земским собором, тридцать семь были совершенно новыми, а в остальных текст подвергся кардинальной переработке.

Учитывая роль РПЦ в государстве, важными стали и дискуссии на церковном соборе (Стоглав). И хотя многие его решения оказались половинчатыми, тем не менее и они запомнились, поскольку четко определили многие претензии, которые накопились у светской власти к церковной. Важнейшим из вопросов был земельный. К этому времени церковь превратилась в самого крупного землевладельца в стране. Между тем власти эта земля была необходима, чтобы поддерживать служивое дворянство – новую опору государства.

Церковь, разумеется, из всех сил сопротивлялась, защищая монастырскую собственность, поэтому дело закончилось компромиссом: старое отбирать не стали, но и на новые земельные приобретения церковь уже не могла рассчитывать. К тому же некоторые монастыри лишились права беспошлинной торговли.

Критике тогда подверглись многие аспекты церковной жизни, которые подрывали авторитет РПЦ. Предлагалось даже ликвидировать неподсудность монашества и духовенства обычному суду. На тот момент церковный бастион устоял. Тем не менее и эта справедливая цель была обозначена уже тогда.

И за всеми этими реформами (или хотя бы попытками реформ) так или иначе прослеживается роль Алексея Адашева и его сторонников. Хотя, как это порой случается с эволюционерами, оправдания своим преобразованиям, чтобы успокоить общество (да и самого царя), они искали не в будущем, а в прошлом. Большинство новых законодательных актов сопровождалось пояснениями, что речь идет о «восстановлении порядка, существовавшего при Иване III». Реформам придавался вид мер, направленных против тех злоупотреблений властью боярами, которыми действительно были переполнены несовершеннолетние годы Ивана IV.

Если перебросить мостик во времена не столь отдаленные, то можно вспомнить, как в период перестройки внутрипартийные оппозиционеры КПСС тоже прикрывались рассуждениями о «возвращении к ленинским нормам партийной жизни». И здесь можно увидеть все то же «лукавство по необходимости» – это был единственный островок, на котором реформаторов не могли затоптать политические динозавры.

Особо стоит отметить роль Алексея Адашева во главе Челобитного приказа (или Челобитной избы – это учреждение поначалу называли и так). Дело в том, что само появление подобного учреждения, куда можно было обратиться с жалобой даже на боярина и которое играло роль контрольного органа, явилось детищем самой благотворной атмосферы того вре-

мени. Челобитный приказ стал для государства на время высшим апелляционным ведомством. Причем, судя по наставлению, которое дал государь Адашеву при назначении, Иван IV прекрасно отдавал себе отчет, с какими трудностями придется тому столкнуться. Наставление Ивана дает представление и о том, как государь относился в ту пору к своему главному помощнику:

«Алексей! Взял я тебя из нищих и из самых молодых людей. Слышал я о твоих добрых делах, и теперь взыскал тебя выше меры твоей ради помощи душе моей. Хотя твоего желания и нет на это... Поручаю тебе принимать челобитные от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и славных, похитивших почести и губящих своим насилием бедных и немощных. Не смотри и на ложные слезы бедного, клеветующего на богатых, ложными слезами хотящего быть правым. Но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь суда Божия».

Причиной охлаждения Ивана Грозного к реформаторам принято считать два события. Прежде всего, смерть его первой и любимой жены Анастасии, в которой ее родственники клеветнически обвинили адашевцев. Родственники царицы никак не могли смириться с тем, что при дворе оказались не на первых ролях. По их версии, Анастасию отравили. Хотя зачем это было необходимо реформаторам, совершенно неясно. И тем не менее столь подозрительный человек, как Иван Грозный, пребывавший к тому же в горе, эту нелепую версию принял.

Но был и другой, уже вполне серьезный повод засомневаться в бывших помощниках. Опасно заболев, царь написал завещание и потребовал, чтобы все присягнули его сыну, младенцу Дмитрию. Однако некоторые (среди них оказался и отец Алексея Адашева – Федор) прямо заявили больному царю, что не хотят повиноваться роду Романовых, которые неизбежно встанут у власти после смерти царя. В этой ситуации многие предпочитали видеть на троне двоюродного брата царя – князя Владимира Старицкого. Подобные заявления оказались роковыми, поскольку Иван неожиданно для всех выздоровел, а сомнительное поведение своих слуг запомнил.

И хотя Алексей Адашев, в отличие от других, как раз беспрекословно присягнул Дмитрию, как и повелел государь, тем не менее и он «попал под раздачу». Тем более что подозрение в отравлении Анастасии висело и над ним, а его отец показал себя откровенным сторонником князя Старицкого.

Наконец, была и третья причина резкого охлаждения к вчерашним помощникам, хотя о ней почему-то вспоминают реже. Иван IV просто повзрослел, почувствовал силу и захотел действовать абсолютно самостоятельно. Ну а остальное уже продиктовало своеобразие этой личности. Какое-то время после своего выздоровления царь ничего не предпринимал, а Адашева даже пожаловал боярской шапкой. Но в 1560 году правительство реформаторов все же пало. И ввиду разногласий с царем во внешней политике (Крым или Ливония?), и по всем остальным причинам.

Алексей Адашев, чутко почувствовав в царе перемену, по собственной воле отправился в ссылку. Как того и желал государь – воевать с Ливонией. Однако и это не спасло. Вскоре пришел приказ: арестовать и посадить бывшего ближайшего помощника царя. Там, в тюрьме Дерпта, он через пару месяцев и скончался от горячки или, как тогда говорили, от «огненного недуга». Точного диагноза не знает, разумеется, никто. Судя по всему, эта смерть спасла его от дальнейшей мести царя, от пыток и казни. Во всяком случае, весь род Адашевых Иван Грозный истребил. Под корень.

В письме к бежавшему из страны от расправы князю Андрею Курбскому Иван Грозный о «вине» Адашева и Сильвестра пишет: «Видя измены от вельмож, мы взяли вашего начальника, Алексея Адашева, от гноища и сравняли его с вельможами, ожидая от него прямой службы... Потом для духовного совета и спасения души взял я попа Сильвестра... Он начал хорошо, и

я ему для духовного совета повиновался. Но потом он... подружился с Адашевым, и начали советовать тайком от нас, считая нас слабоумными».

Слабоумным Иван Грозный точно не был. Наоборот, этот человек, несомненно, обладал немалыми талантами, а вот был ли он психически здоров, это действительно вопрос.

Впрочем, эволюционерам не дано выбирать ни эпоху, ни политический строй, ни психическое здоровье вождя.

Афанасий Ордин-Нащокин – предтеча Петра Великого

Трагическая для Руси Великая Смута, как это нередко случается в истории, калечила и лечила одновременно. Именно она породила целую плеяду «новых русских» XVII века. Эти люди мало походили друг на друга, преследовали разные цели, были в разной степени порядочны и умны, но объединяло их всех одно – необычное прежде у русских ощущение значимости собственной личности, убежденность в своем праве на самоопределение. Историк Сергей Платонов назвал этот феномен «эмансипацией личности в московской жизни».

Едва ли не самой яркой фигурой той поры был первый русский канцлер Афанасий Ордин-Нащокин. Эту «эмансипированную личность» столь многое объединяет со следующей, уже Петровской эпохой, что кажется чистой случайностью его служба отцу, а не сыну: он жил и работал во времена Алексея Михайловича, но столь же легко мог бы сделать карьеру и при Петре Алексеевиче.

Василий Ключевский, как правило, очень скупой на похвалы, об этом человеке написал: «Со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум; после Сперанского, не знаю, появится ли третий».

Более того, рассуждая о фигуре Ордина-Нащокина, Ключевский называет его первым «государственным человеком» в нашей истории, который не просто выполнял царскую волю, а имел собственное представление о государственном интересе и долге. А потому служил в первую очередь стране, а не государю. Пока его взгляды совпадали со взглядами царя, он честно и самоотверженно работал на своем посту. Как только их взгляды разошлись, он тут же подал в отставку.

«Московский государственный человек XVII века. Самое это выражение может показаться злоупотреблением современной политической терминологией, – пишет Ключевский. – Государственный человек – ведь это значит развитый политический ум, способность наблюдать, понимать и направлять общественные движения, с самостоятельным взглядом на вопросы времени, с разработанной программой действия... В XVII веке, однако, начался сильный спрос на ум, на личные силы, а воля царя Алексея Михайловича для общего блага готова была подчиниться всякому сильному и благонамеренному уму».

Таким «умом» на долгое время для Алексея Михайловича и стал Ордин-Нащокин, который не просто выполнял поручения царя, как это было принято раньше, а сам нередко буквально вкладывал в голову государя новые идеи и проекты. Не говоря уже о том, что, будучи человеком удивительно правдивым, он честно и настойчиво говорил царю обо всем дурном, что происходило вокруг трона и в государстве. Часто влезая, по большому счету, и не в свои дела. Особенно он не мог терпеть воров и провинциальных начальников-самодуров. Алексей Михайлович, который ценил и любил Ордина-Нащокина, все это терпеливо выслушивал и даже в каких-то случаях пытался исправить положение. Зато количество личных врагов у правдолюбца с каждым годом стремительно увеличивалось. Причем врагов влиятельных, из старой боярской элиты.

Но сначала нужно сказать несколько слов о той эпохе, иначе трудно оценить масштаб этой фигуры. Одно из заблуждений, связанных с отечественной историей, будто Россия предприняла свой поход к Балтике и за европейскими знаниями лишь при Петре I. На самом деле Петр успешно завершил дело, начатое задолго до него. Для Московии, отрезанной в 50-х годах XVI века от Западной Европы географически, да к тому же блокированной Литвой, Польшей и немцами, прорыв в западном направлении был продиктован не зудом экспансионизма, а жизненной необходимостью. Иначе можно было навеки остаться на задворках цивилизации. И это отлично понимали все государи задолго до Петра.

Напомню хотя бы о созданной при Иване Грозном Англо-русской торговой компании. Русские, стараясь выйти из изоляции, предоставили тогда англичанам небывалые льготы. Однако и Москва получила самое для себя на тот момент главное: английская корона дала согласие на выезд в Россию мастеров любых профессий. Блокаду удалось прорвать.

Вот и царь Алексей Михайлович настойчиво пытался реализовать все ту же мечту – приблизить Россию к Западу. И его главным единомышленником и помощником в этом порыве на Запад был как раз Афанасий Ордин-Нащокин.

И снова слово Ключевскому:

«Этот делец вдвойне любопытен для нас, потому что вел двойную подготовку реформы Петра Великого. Во-первых, никто из московских государственных дельцов XVII века не высказал столько, как он, преобразовательных идей и планов, которые после осуществил Петр, потом Ордину-Нащокину пришлось не только действовать по-новому, но и самому создавать обстановку своей деятельности. По происхождению своему он не принадлежал к тому обществу, среди которого ему привелось действовать. Привилегированным питомником политических дельцов в Московском государстве служило старое родовитое боярство, пренебрежительно смотревшее на массу провинциального дворянства.

Ордин-Нащокин был едва ли не первым провинциальным дворянином, проложившим себе дорогу в круг этой спесивой знати».

На самом деле и среди его дальних предков были бояре, быстро, однако, обедневшие и скатившиеся по иерархической лестнице вниз. Редкая двойная фамилия Ордин-Нащокин – это, кажется, главное наследие, доставшееся Афанасию от предков. Ордин – потому что один из них погиб, сражаясь с Ордой. Другой в бою с тем же противником получил рану в щеку и был прозван Нащока.

Сам будущий канцлер действительно происходил уже из среды мелких провинциальных дворян, обосновавшихся в окрестностях Пскова, а потому начал свою государственную службу с самых низших ступеней еще при первом государе романовской династии – Михаиле: его не раз в ту пору назначали в посольские комиссии для размежевания границ со Швецией.

Во многом Псков жил еще воспоминаниями о своей прежней вольности, а потому верная служба Ордина-Нащокина Москве нравилась далеко не всем псковичам. Во время псковского бунта 1650 года мятежники даже хотели его убить. Получилось, однако, иначе. Ордин-Нащокин, обладавший к этому времени уже не только дипломатическим, но и командным опытом (воевал не раз и всегда успешно) бунт подавил. С тех пор его карьера и пошла в гору.

Когда в 1654 году началась очередная война с Польшей, ему поручили дело почти безнадежное: с крайне малыми силами нужно было охранять границу со стороны Литвы и Ливонии. Тем не менее он отлично исполнил поручение. А еще через два года, когда вспыхнула война уже со шведами, Ордина-Нащокина назначили воеводой нескольких завоеванных городов. И вновь с поставленной задачей справился отлично. Даже более того: и завоеванную территорию сумел расширить, в ходе военных действий присоединив к русским владениям еще несколько городков, и дипломатические переговоры провел блестяще. В 1658 году его усилиями было заключено Валиесарское перемирие со Швецией, условия которого превзошли все ожидания царя Алексея.

Если к воинскому делу и административной деятельности у него был немалый талант, то к дипломатической работе, можно сказать, дар Божий. Как свидетельствуют воспоминания и документы, он моментально ориентировался в любой ситуации, умел комбинировать, сразу же видел все ловушки, которые подготовили его оппоненты по переговорам, и всякий раз их виртуозно обходил. При этом сам не щадил оппонента совершенно, подмечая и тут же используя каждый его промах. Спорить с ним было почти невозможно. Опирался на железную логику, с помощью которой с успехом продвигался к поставленной на переговорах цели. Зарубежные дипломаты, имевшие с ним дело, не раз жаловались, что он просто выводит их из терпения

своими бесконечными неожиданными комбинациями. И все признавали, что это дипломатическая звезда первой величины.

Так что не случайно Ордин-Нащокин в конце концов поднялся на самую высокую дипломатическую ступень: как и его далекие предки, получил чин боярина и возглавил Посольский приказ. Более того, он стал первым в истории России министром иностранных дел – канцлером. До этого внешняя политика страны определялась коллегиально Боярской думой. После назначения канцлером он проводил уже самостоятельную внешнюю политику, согласовывая ее только с царем.

Петровские реформы выстраивались не на песке, у них был фундамент. Во времена Алексея Михайловича укрепляется армия, что, впрочем, неудивительно – к этому подталкивали непрерывные военные действия. Однако уже тогда власть задумывается и о строительстве флота. От Балтики русские еще отрезаны шведами. Северные гавани в Архангельске слишком удалены не только от самой Москвы, но и от западноевропейских рынков. Выход на Каспий больших выгод не сулит. Тем не менее решено с помощью голландцев строить большой морской корабль для Каспийского моря. В 1669 году на Оке был спущен на воду первенец русского флота корабль «Орел». Полет у этого «Орла» оказался, правда, скоротечным, уже на следующий год он попал в руки разинцев и был сожжен.

Неудачей закончилась и попытка арендовать за рубежом гавань для русского флота. Такие переговоры в 1662 году велись с Курляндией. В результате задачу создания русского флота пришлось отложить, но четко сформулировала этот важнейший для страны вопрос власть уже тогда. И роль в этом канцлера Ордина-Нащокина огромна.

Стержнем его внешнеполитической доктрины стала идея добиться для Москвы выхода к Балтийскому морю. Ради этой цели он считал необходимым совершить во внешней политике России принципиальный и крутой поворот, поступиться многим, в частности, Малороссией, как тогда называли Украину. По мнению канцлера, Малороссия не стоила тех усилий, что затрачивала на ее освобождение Россия. С другой стороны, выход к Балтике сулил не только огромную экономическую выгоду, но и открывал возможности всестороннего сближения с Западной Европой.

Для Ордина-Нащокина, последовательного сторонника европейской культуры, этот аргумент был не менее важен, чем коммерческие интересы. Во имя достижения этой важнейшей для России цели Ордин-Нащокин выступал за союз с давним противником русских – Польшей, поскольку знал, что поляков гегемония шведов на Балтике также изрядно раздражала. Кстати, позже и Петр для достижения той же цели пошел путем, начертанным еще Ординым-Нащокиным, то есть вступил в союз с польским королем и курфюрстом саксонским Августом.

Увлекаемый идеями своего канцлера, и Алексей Михайлович любил поговорить о необходимости приобретения «морских пристанищ» – гаваней Нарвы, Иван-города, Орешка. Но Ордин-Нащокин и здесь смотрел на дело шире: нужно прорваться прямо к морю, взять Ригу, пристань которой открывает ближайший прямой путь в Западную Европу. Составить сильную коалицию против Швеции – в этом была его заветная мечта. И только потом уже мечта Петра.

Впрочем, Афанасий Ордин-Нащокин вовсе не был, как может показаться, односторонним западником. Запад был приоритетом, но он прекрасно понимал, что в интересах государства развитие и восточного направления. Его дипломатический взгляд обращался во все стороны. Он укреплял торговые сношения с Персией и Средней Азией, с Хивой и Бухарой, снаряжал посольство в Индию, смотрел и дальше – на Дальний Восток, на Китай, строил планы казацкой колонизации Приамурья.

Близость взглядов канцлера с балтийской мечтой Петра очевидна, но не только это их сближает. Масштабы деятельности Петра I и Афанасия Ордина-Нащокина были, разумеется, разными, но если говорить о сути, о замыслах, о деловой хватке, то первый русский канцлер был предтечей Петра.

Вот только бороды эволюционер Ордин-Нащокин никогда насильно не брил и головы никому не рубил. На это обращает внимание все тот же Ключевский: «В его уме неясные преобразовательные порывы Алексева времени впервые стали облекаться в отчетливые проекты и складываться в связный план реформы; но это не был радикальный план, требовавший общей ломки: Нащокин далеко не был безрасчетным новатором». Для него были важны и цели и средства. Для Петра I цель оправдывала любые средства. В этом принципиальная разница между двумя этими вроде бы столь схожими людьми.

Будучи государственным человеком, который к тому же прекрасно знал западноевропейский политический и экономический строй, Ордин-Нащокин показал себя, как точно подмечает Сергей Платонов, «наиболее ранним насадителем в Москве понятий бюрократического абсолютизма и меркантилизма».

Вообще, идеи в голове этого человека рождались постоянно и в самых разных областях. Он предлагал ввести городское самоуправление, сократить дворянское ополчение за счет рекрутского набора, то есть фактически высказал идею создания регулярной армии, комплектуемой рекрутскими наборами из всех сословий. Многие у нас считают канцлера родоначальником русской почты.

Наконец, он же составил так называемый Новоторговый устав, который определял основные направления внешнеторговой политики государства. Недаром современные исследователи называют Ордина-Нащокина крупнейшим русским экономистом того времени.

Он защищал интересы русского купца, но при этом исходил из того, что народное хозяйство страны представляет единое целое: это отличало его от многих предшественников, сосредоточивавших свое внимание на развитии отдельных отраслей экономики. Торговлю Ордин-Нащокин считал орудием развития производительных сил и главным источником пополнения казны. Он ратовал за развитие свободной, беспошлинной торговли внутри страны и за расширение внешней торговли. По мере сил делал все, чтобы устранить препятствия на пути делового человека, в частности, настойчиво боролся с самоуправством воевод. А главным препятствием развитию промышленности считал стеснение инициативы.

Не правда ли, многое звучит актуально и сегодня? Разве что слово «самоуправство» оставить, а слово «воевода» заменить на более современное.

Способность проявлять личную инициативу и деловую хватку Ордин-Нащокин называл «промыслом». «Лучше всякой силы промысл, – писал он, – дело в промысле, а не в том, что людей много; и много людей, да промышленника нет, так ничего не выйдет; вот швед всех соседних государей безлюднее, а промыслом над всеми верх берет; у него никто не смеет отнять воли у промышленника; половину рати продать, да промышленника купить – и то будет выгоднее».

Канцлер считал, что строгая управленческая система предполагает не только повышение ответственности за порученное дело, но и большую самостоятельность исполнителей. Нельзя везде действовать по указке сверху, утверждал он, любой руководитель должен уметь правильно оценивать ситуацию, проявлять инициативу и брать ответственность на себя. По тем временам подобные мысли были, конечно, дерзостью, и надо было иметь немалую смелость, чтобы их озвучивать.

Ордин-Нащокин стал и первым государственным человеком в России, попытавшимся всерьез бороться со взяточничеством, чем нажил себе, естественно, немало врагов. Сохранилось несколько записок, поданных канцлером по этому поводу государю. «Не научились, – писал он царю, – посольские дяки при договорах на съездах государственные дела в высокой чести иметь, а на Москве живучи, бесстрашно мешают посольские дела в прибылях с четвертными и с кабацкими откупами».

Или еще одно любопытное замечание, высказанное им: «У нас любят дело или ненавидят его, смотря не по делу, а по человеку, который его делает». И это звучит, к сожалению, все

еще вполне актуально. Сам Афанасий Ордин-Нащокин служил только государственному делу и служил высокопрофессионально, не боясь учиться у других. Он первым из русских заметил, что «доброму не стыдно навекать и со стороны, у чужих, даже у своих врагов».

И в этом канцлер походил на Петра I. Однако, безусловный западник, он всерьез задумывался над тем, что полезно, а что не стоит заимствовать, какие семена дадут полезные плоды, а какие прорастут на русской почве чертополохом. Ну что тут скажешь, – умница был наш первый канцлер!

До тех пор, пока ему удавалось склонять на свою сторону царя, Ордин-Нащокин оставался у власти; как только позиция Алексея Михайловича под влиянием других политических сил изменилась, канцлер подал в отставку. Никто не гнал, это было его личное решение. Кажется, и здесь он стал первопроходцем, продемонстрировав своим поступком уважение к самому себе и к собственному делу.

Когда в 1671 году ему приказали отправиться на новые переговоры с Польшей, в ходе которых он должен был нарушить договор, всего лишь за год до этого скрепленный его личной присягой, канцлер отказался исполнить поручение. Он был человеком слова.

В декабре 1671 года он подал в отставку, а уже в феврале 1672 ушел в монастырь. Трудно себе даже представить, что творилось в душе Ордина-Нащокина – государственного человека огромного масштаба – в те два зимних месяца между его отставкой и пострижением в монахи!

Последней заботой инок Антония, бывшего русского канцлера и великого русского эволюционера, стала богадельня, устроенная им у себя на родине, во Пскове.

Федор Михайлович Ртищев – гражданин без гражданского общества

Принято считать, что добро эффективно лишь с кулаками. Федор Ртищев – одна из самых необычных фигур в окружении царя Алексея Михайловича – всю свою жизнь доказывал обратное. Да еще в те темные времена, когда русская земля, не успокоившись после Смуты, ходила ходуном: соляной бунт, медный бунт, восстание Разина, война с Польшей. Наконец, не будем забывать об огромных противоречиях в самой русской душе, возникших на фоне церковного раскола.

О плеяде «новых русских» – своеобразном феномене, возникшем на Руси сразу же после Смутного времени, – речь уже шла. Как и о том, что приблизительно одинаково «эмансипируясь», каждый новый русский XVII века затем выбирал в жизни собственную цель: кто-то озабочился своей душой, кто-то кошельком, кто-то, как первый русский канцлер Ордин-Нащокин, государственными делами, а Федора Ртищева можно назвать первым русским гражданином. Причем гражданином, который действовал в полном вакууме, поскольку гражданского общества в ту пору, понятно, еще не существовало.

И все же, совершая по личной инициативе сугубо частные поступки, этот настойчивый эволюционер тем не менее оказал большое влияние на устройство тогдашней общественной жизни, одним из первых в нашей истории доказав, что и один в поле – воин. Недаром и он, так же как Адашев, удостоился от потомков чести быть изображенным на памятнике «Тысячелетие России». Кстати, в группе фигур, изображающих «Просветителей».

Почти все время царствования Алексея Михайловича Ртищев находился при государе, который, прослышав о необычном человеке, поселившемся недалеко от Москвы, но жившим отшельником, призвал его к себе. Карьера Ртищева, если читать летописи, современному человеку может показаться даже курьезной.

Сначала он был пожалован чином стряпчего в «комнате у крюка» – то есть во внутренних комнатах при государе. Осенью 1646 года занял должность стряпчего с ключом – то есть дворцового эконома. В 1650 году возведен в почетный сан постельничего, а еще позже – окольничего. Ну и, наконец, был воспитателем старшего царевича Алексея до самой его смерти. Нетрудно заметить, что все эти должности объединяет одно – близость к государю и большое к нему доверие. Это так. Ртищев стал для Алексея Михайловича не столько слугой, сколько другом.

Более того, в реальности он являлся фактически советником государя, можно сказать, «на общественных началах», поскольку от боярского звания категорически отказался. Разумеется, за долгие годы службы выполнял самые различные государевы поручения, а не только был дворцовым экономом при ключе. Одно время Ртищев руководил государевой Мастерской палатой. Бывало, возглавлял различные приказы (здесь и Литовский приказ, и приказ Большого дворца и даже приказ Тайных дел), бывало – воевал (сопровождал царя во время походов на Польшу и во время войны со шведами), бывало – выполнял дипломатическую миссию.

Однажды, например, успешно провел сложные переговоры с известным государственным человеком Речи Посполитой Павлом Сапегой, на которых среди прочего добился, чтобы в документах поляки впервые признали, что русский царь – государь еще и «Малая и Белая России». Для Москвы это было важной дипломатической победой. И все же прославился Ртищев другим: тем, что делал как раз не по приказу, а помимо службы.

Современники называли его «милостивым мужем». Именно с его именем связано появление в Московском государстве благотворительности. На личные средства и средства друзей Ртищев организовал ряд больниц и приютов в Москве и в глубинке. Создал даже первый

вытрезвитель: мораль при этом никому не читал, просто подбирал на улице пьяных и увозил к себе до протрезвления.

Уже позже, по примеру Ртищева, благотворительностью занялась и власть. Сначала озаботились нищими и убогими в Москве. Здоровых определили на работы, а беспомощных поместили на казенное содержание в двух специально устроенных для того богадельнях. Наконец, на церковном соборе, созванном в 1681 году, власть предложила РПЦ устроить такие же приюты и богадельни по всем городам. Так частные поступки Федора Ртищева легли в основание целой системы церковно-благотворительных учреждений в России. Благодаря ему тысячи русских людей смогли выжить, получив хлеб и кров.

В 1671 году, прослышав о голоде в Вологде, Ртищев отправил туда обоз с хлебом, а потом и деньги, продав часть своего имущества. Известна история и о том, как он подарил Арзамасу свои земли, в которых город очень нуждался, хотя, как свидетельствуют очевидцы, мог бы выручить за эту собственность немалые средства.

Кстати, история для Ртищева не исключительная, а самая обычная. Когда ему не хватало денег на благотворительность, он начинал продавать свою одежду и утварь. Впрочем, по дружбе, любя и уважая Ртищева, нередко ему помогали и царь с царицей. При этом отчета о расходах с него никогда не требовали, знали, что на себя он не потратит ни одной копейки.

Риторический, конечно, вопрос, но все же: где бы российской власти взять таких людей сегодня?

Ртищев выкупал русских пленных и даже, предвосхищая появление Красного Креста, оказывал помощь вражеским воинам, вынося с поля боя не только своих, но и чужих раненых, а затем поддерживал иностранных пленных, оказавшихся в России.

Как нередко бывает, в воспоминаниях часто обращают внимание на детали вроде бы несущественные, но которые на самом деле многое говорят о личности. Так, летописца поражает, что, будучи уже совсем немолодым человеком, Ртищев – государев друг – всегда уступал место в своей повозке тяжелораненым, а сам садился верхом на коня. И, заботясь об удобстве больных, раненых и обмороженных, всегда заранее нанимал в попутных городах дома, находил врачей, заботился о пропитании подопечных, расходуя на это собственные средства.

Не случайно о его доброте ходили легенды, а сразу же после смерти появилась биография «Житие милостивого мужа Федора, званием Ртищева», где ему придан ореол святости.

Память о Ртищеве сохранялась надолго. Когда после его смерти сгорела первая больница для бедных, которую он построил и содержал, на ее месте, причем на собранные пожертвования, выстроили новую, которая под именем «Больницы Федора Ртищева» функционировала еще и в царствование Петра.

Сегодня представить себе добро без примесей трудно, почти невозможно. Тем не менее как исключение случается и такое. Вчитайтесь в слова Ключевского: «Это был один из тех редких и немного странных людей, у которых совсем нет самолюбия. Наперекор природным инстинктам и исконным привычкам людей, Ртищев в заповеди Христа любить ближнего, как самого себя, исполнял только первую часть: он и самого себя не любил ради ближнего – совершенно евангельский человек, правая щека которого просто, без хвастовства и расчета, подставлялась ударившему по левой, как будто это было требованием физического закона, а не подвигом смирения. Ртищев не понимал обиды и мести, как иные не знают вкуса в вине и не понимают, как это можно пить такую неприятную вещь.

Некто Иван Озеров, некогда облагодетельствованный Ртищевым, потом стал его врагом. Ртищев... пытался утолить его вражду упорным смирением и доброжелательством; он приходил к его жилищу, тихо стучался в дверь, получал отказ и опять приходил. Выведенный из терпения такой настойчивой и досадной кротостью, хозяин впускал его к себе, бранился и кричал на него. Не отвечая на брань, Ртищев молча уходил от него и опять приходил с приветом, как будто ничего не бывало. Так продолжалось до смерти упрямого недруга, которого Ртищев и

похоронил, как хоронят добрых друзей. Из всего нравственного запаса, почерпнутого древней Русью из христианства, Ртищев воспитал в себе наиболее трудную и наиболее сродную древнерусскому человеку доблесть – смиренномудрие».

Впрочем, занимался Ртищев, конечно же, далеко не только благотворительностью. В 1649 году под Москвой, как пишет дореволюционный словарь Брокгауза и Ефрона, «пользуясь покровительством царя и патриарха Иосифа, построил Спасопреображенский монастырь», куда вызвал из Киево-Печерского и ряда других малороссийских монастырей тридцать ученых монахов. Они-то и переводили иностранные книги на русский язык и обучали желающих греческой, латинской и славянской грамматике, риторике и философии. Сам Ртищев стал студентом этой школы и проводил там целые ночи в беседах с учеными. Немалое число молодых московских служилых людей, то есть чиновников, прошло обучение в этом частном монастырском учебном центре.

Позже «училище было переведено в Заиконоспасский монастырь и послужило зерном Славяно-греко-латинской академии». А это, между прочим, первое высшее учебное заведение в России. Так что и здесь надо сказать спасибо Ртищеву. Тем более что как раз за эту инициативу ему перепало немало критических стрел. Некто Голосов, ярый сторонник старой веры и обычаев, в своем доносе пишет: «Учится у киевлян Федор Ртищев грамоте, а в той грамоте и еретичество есть. Кто по латыни научится, тот с правого пути совратится». Классика того времени. Если до Смуты Русь переполняла религиозная самоуверенность, как-никак «Москва – Третий Рим», то после всех бед и унижений Смутного времени, да к тому же на фоне усилившегося западного влияния, православие болезненно воспринимало любое, даже призрачное посягательство на свою веру. Латинобоязнь в этот период достигла апогея. Латынь для консерваторов стала символом свободной, а значит, опасной науки, плодившей ненужные сомнения.

Впрочем, и здесь Ртищева спасал характер. Только он умудрялся (что в те времена жесточайшей конфронтации было почти невозможно) утихомиривать врагов, склоняя их к умеренности и убеждая, что реальные интересы русского народа выше идейных разногласий крайних западников и крайних патриотов. Нужно представлять себе этих сильных, заносчивых и неуступчивых людей, вроде боярина Морозова, протопопа Аввакума и патриарха Никона, чтобы понять, каким удивительным влиянием на них обладал такой неконфликтный человек – Федор Ртищев.

Как пишет Ключевский, «миролюбивый и доброжелательный, он не выносил вражды... и старался удержать староверов и никониан в области богословской мысли, книжного спора, не допуская их до церковного раздора, устраивал в своем доме прения, на которых Аввакум бранился с „отступниками“, особенно с Полоцким, до изнеможения, до опьянения». Разумеется, перемирие каждый раз получалось временным и шатким, но других миротворцев, которые могли бы поддержать Ртищева, на русской земле тогда не было.

Ртищев умел говорить правду без обиды, никому не колол глаз личным превосходством, был совершенно чужд тщеславия, а потому нравился даже привыкшим к своеволию за времена Смуты казакам. Именно Ртищева за правдивость и обходительность они желали иметь у себя царским наместником, «князем малороссийским». Уметь ладить с царем, Аввакумом, Никоном, казаками и при этом всем говорить в глаза правду – это, конечно, особый дар!

Наконец, Ртищев был одним из первых, кто понял, какой несправедливостью и злом является крепостное право. Не в его силах было отменить это зло, однако есть свидетельства, как он заботился о своих крестьянах, поддерживал их ссудами, уменьшал оброки, а перед смертью всех дворовых отпустил на волю. И умолял своих наследников обращаться с теми, кто еще оставался в крепости, по-божески: «Они нам братья».

Немало прочитав об этом человеке, автор обнаружил лишь одну сомнительную страницу в биографии Ртищева. Речь идет об истории с медными деньгами, которая спровоцировала известный Медный бунт. О том, кому принадлежала идея (кстати, вынужденная – чтобы

поправить положение государственной казны, истощенной войной с Польшей) чеканить медные деньги одинаковой величины с серебряными, но выпускать их по одной цене, точно неизвестно. Версий здесь хватает, однако какая из них верна, сказать сложно. Тем не менее не могу обойти того, что, скажем, уважаемый историк Сергей Платонов как на автора идеи указывает именно на Ртищева. Правда, сам же его тут же и выводит из-под удара. «Произошла история, аналогичная той, которая 80 лет спустя случилась с Джоном Ло во Франции, – пишет Платонов. – Беда заключалась не в самом проекте, смелом, но выполнимом, а в неумении воспользоваться им и в громадных злоупотреблениях».

Сам Ртищев – убежденный бесребреник, даже если и имел отношение к самой идее появления медных денег, к злоупотреблениям, да и вообще к практической реализации задуманного проекта, не имел ни малейшего отношения. Зато ситуацией воспользовались очень многие мошенники, даже те чиновники, кто был обязан процесс выпуска денег контролировать. Дело на Руси, к сожалению, обычное. Чеканили и подделывали монету без счета. Что и привело в конечном итоге к бунту.

Между прочим, народ легко обошелся без Следственного комитета или Счетной палаты, достаточно было сравнить официальные доходы чиновников и их неофициальные расходы. И столь огромная разница в цифрах многих закономерно возмутила. Виноват ли во всей этой «медной истории» Ртищев? Конечно, нет.

Жить в такие времена, быть при власти, пропустить через свои руки немалые деньги, так много сделать и в конце концов покинуть этот мир без единого пятнышка! Второго Федора Ртищева в русской истории нет.

Трудно сказать, задумывался ли Ртищев о важности личного примера и гражданского поступка, без которых не может возникнуть и существовать нормальное гражданское общество, или действовал по наитию, в силу природных черт характера или своих религиозных убеждений.

Как бы то ни было, неоспоримо: Федор Ртищев, намного опередив время, стал одним из первых наших граждан, почувствовавших личную ответственность за все, что происходит в его стране.

Царь Федор Алексеевич – государь, сделавший все, что мог

Как писал Василий Ключевский о династии Романовых, «что-то роковое тяготело над новой династией: царевичи, повторяя своего родоначальника, оказывались болезненными и хилыми». Действительно, уже к тридцати годам первый из династии – Михаил, как говорили тогда, настолько «скорбел ножками», что его «до возка и из возка в креслах носили».

Да и на престол наследники вступали, не дозрев толком до власти. Из первых царей этой династии Михаил, Алексей и Иван надели короны в шестнадцать лет, будучи еще недорослями. Петра короновали в десять.

Вот и Федор Алексеевич сел на престол очень молодым (в пятнадцать лет), но уже тяжело больным человеком. Да и правил недолго – с 1676 года по 1682, всего-то шесть лет. Видимо, поэтому о нем обычно и вспоминают мельком. И совершенно зря. Это со здоровьем у Федора были серьезные проблемы, а с головой – все в порядке. Было и стремление сделать для Московского государства все, что успеет за несколько лет, отведенных ему судьбой на троне.

А учитывая болезнь, для этого требовалось не только желание, но еще и сильная воля. Не говоря уже о чувстве долга перед страной и подданными. В конце концов, будучи человеком религиозным, умирающий Федор Алексеевич мог бы все оставшееся ему время провести в молитвах, думая лишь о собственной душе. Думал много и о душе, но о государстве – не меньше.

Даже то, что было сделано за короткий срок его правления, впечатляет. Возможно, потому что образован по тем временам молодой царь был изрядно. Воспитателем царевича стал один из крупнейших философов того времени Симеон Полоцкий – белорусский монах и первый на Руси драматург. Однако и ученик ему попался толковый.

Не удивляет, что позже этот государь живо интересовался самыми разными делами. На заседаниях Боярской думы, например, регулярно зачитывали составленные в Посольском приказе обзоры событий европейской жизни. Вообще, это был необычный для русской земли государь-гуманитарий, который разбирался в живописи, любил музыку, сам писал стихи, занимался переводами. Знал польский язык и латынь.

Федор Алексеевич заслужил добрую память, даже если бы сломал лишь одну крайне вредную русскую традицию – местничество. С этим злом по мере сил боролись и раньше, скажем, те же Адашев и Ордин-Нащокин, но для решительной победы нужна была твердая государева воля. И именно тяжело больной царь Федор нашел в себе силы эту волю проявить.

Впрочем, сделал он это в присутствии ему не революционном, а эволюционном стиле: местничество отменил не просто указом, а предварительно это решение, как иногда сегодня говорят, «обкатал». Сначала этот вопрос обсуждала комиссия «для устройства и управления ратного дела» под руководством князя Василия Голицына, а потом – специальное совещание из представителей духовенства, думы и выборных придворных чинов. Важнейший вопрос надо было решить непременно, однако без ненужных потрясений.

Суть местничества заключалась в том, что на различные государственные и военные должности люди назначались не за заслуги, опыт или таланты, а в соответствии с тем местом, которое занимали в государственном аппарате их предки. Особенно очевидным вред от подобных кадровых решений был в военном деле. Сколько сражений русские до этого проиграли только потому, что во главе войск стоял не самый достойный, а тот, чей прадед когда-то был воеводой. Между тем воинский талант, как и прочие, совсем не обязательно передается по наследству.

Говоря сегодняшним языком, социальный лифт при местничестве не работал. Разумеется, подобное положение вещей очень мешало эффективному управлению государством.

По мнению некоторых историков, при всех очевидных минусах в местничестве были и плюсы: худо-бедно, но местничество служило интересам стабильности в государстве, поскольку каждый знал свое место и не мог претендовать на большее. А это снижало вероятность заговоров и переворотов. Гипотетически, возможно, и так. А на практике вред был огромным. Да и сам довод, что в ту пору «каждый знал свое место», не убеждает. Даже по мелочам при дворе местничество вызывало беспрерывные склоки. Бояре регулярно ссорились даже из-за того, кто и в каком порядке должен сидеть за царским столом.

А государю вместе с Разрядным приказом приходилось все эти обиды всерьез рассматривать, мирить перессорившихся, перелистывая при этом кучу старых бумаг. Да и судить стало уже сложно, поскольку годы внесли в этот вопрос немало хаоса. Какие-то в прошлом влиятельные княжеские и боярские семейства практически уже вымерли или обеднели. Например, известный когда-то княжеский род Одоевских ко времени воцарения Федора не имел уже ни единого поместья, а потом и вовсе угас. Между тем уже быстро поднималась и набирала силу новая элита. Так что «считаться местами» становилось все труднее.

Ущербность подобной традиции в изменившихся условиях понимали многие. Однако старые традиции, даже самые нелепые, ломать порой так же трудно, как и паковый лед. Федор Алексеевич тем не менее этот лед сломал. Как пишет историк Сергей Соловьев, по приказу государя прямо в царских сенях сложили все разрядные книги, где записывалось, кто, где, когда и кем служил, и подожгли. Пусть каждый свою родословную помнит, заметил при этом царь, но разрядные книги государству больше не потребуются. Решение закрепили в год смерти царя на Земском соборе.

Впрочем, если у кого-то недовольство и было, вслух его проявлять никто уже не стал. Наоборот, некоторые бояре и сами просили Федора Алексеевича «уничтожить места», поскольку из-за этого «в прошлые годы во многих ратных, посольских и всяких делах чинились великие пакости, нестроения, разрушения, неприятелям радование, а между нами богопротивное дело – великие, продолжительные вражды».

Всею свое время: еще за семьдесят – восемьдесят лет до этого бояре были настроены совершенно иначе, утверждая, что, если традицию местничества отменить, «то им смерть». Как не без иронии замечает Василий Ключевский: «Не боярство умерло, потому что осталось без мест, чего оно боялось в XVI веке, а места исчезли, потому что умерло боярство и некому стало сидеть на них».

Когда сегодня говорят о блестящей плеяде «птенцов гнезда Петрова» или о «екатерининских орлах», среди которых были люди из самых разных слоев общества, редко кто, к сожалению, вспоминает, какой вклад в этот исторический прорыв внес царь Федор Алексеевич, первый из наших лидеров, сделавший ставку не на родовитость, а на талант.

Разумеется, и сегодня дети известных, богатых и влиятельных людей имеют гандикап перед остальными, невзирая на их реальные способности, но это уже воспринимается обществом как нечто нездоровое и несправедливое. А до реформы Федора Алексеевича такое положение дел считалось нормой.

Многие решения царя Федора принесли плоды уже после его смерти. Именно при нем был разработан проект разделения тогдашних управленцев на гражданские и военные чины, каждый из которых в свою очередь разделялся на степени. Проект важнейший, не даром на него обращают внимание все видные историки. Как замечает Сергей Платонов: «Этот проект впервые ясно выразил необычную в Московском государстве мысль о полном разделении гражданских и военных властей».

Из-за смерти государя проект не успели реализовать, однако необходимая реформа уже была проработана, так что будущая петровская табель о рангах возникла не из пустоты. Это не

значит, разумеется, что Петр скопировал проект царя Федора, просто сама идея, рожденная еще в то царствование, никуда не пропала, а в нужный момент оплодотворила петровскую мысль. И подобных примеров немало.

Предтечей знаменитой Славяно-греко-латинской академии явилась созданная в 1681 году Типографская школа при Заиконоспасском монастыре. Конечно же, главной задачей школы была защита православия, и все же... Слова «типографская школа» и «монастырь» смущать не должны. Так называемая «академическая привилегия», то есть программа создания высшего учебного заведения, утвержденная царем Федором, предусматривала изучение широкого круга предметов, причем доля светских наук в этом перечне не уступает по своему количеству дисциплинам церковным. Здесь преподавались грамматика, риторика, «пиитика», философия. И это по тем временам было шагом вперед.

Какие-то решения Федора Алексеевича однозначной оценке, конечно, не поддаются. Так, например, после проведенной им переписи населения было введено подворное налоговое обложение. С одной стороны, это помогло пополнить казну, с другой – усилило крепостной гнет. Но большинство начинаний государя заслуживает только положительной оценки. Именно он ввел воеводское и местное приказное управление, что серьезно облегчило потом Петру проведение губернской реформы.

И еще одно: у большинства существует превратное представление, будто о реформе русской армии по европейскому образцу задумался лишь Петр I. Заслуги реформатора на этом направлении неоспоримы, но все же полки иноземного строя появились еще при его предшественниках. Восстание Степана Разина во времена Алексея Михайловича удалось подавить лишь благодаря войскам иноземного строя, которые под Симбирском разгромили неорганизованные толпы разинцев.

Активно занимался военным строительством и фаворит Софьи – князь Василий Голицын. Много сделал для армии, как видно хотя бы из истории с местничеством, и царь Федор. Так что русские начали учиться воевать по-европейски задолго до появления петровских «потешных». Это было делом не одного царя и не одного поколения русских людей. Как и все остальное, русская армия подрастала постепенно.

В заслугу Федору Алексеевичу, государю и просто человеку, я бы поставил и тот факт, что он по-доброму относился к своему сводному брату Петру Алексеевичу – будущему великому реформатору. И пока был жив, заботился о его образовании. Есть, например, такое свидетельство в записках некоего Крекшина: «Старший брат и крестный отец Петра царь Федор не раз говорил куме-мачехе, царице Наталье: „Пора, государыня, учить крестника“».

И это, несмотря на постоянные склоки, которые существовали тогда между родней первой и второй жены Алексея Михайловича – Милославскими и Нарышкиными. Сам Федор Алексеевич был выше этой внутрисемейной дрязги. Со смертью Федора закончились для маленького Петра и занятия: все, чему он научился позже, – результат самообразования.

Кстати, у нас мало кто понимает, что в самом главном – в принятии новшеств – два этих сына Алексея Михайловича, хотя и от разных матерей, стояли рядом, оба продолжали дело отца. Различия, безусловно, есть. Федор был эволюционером, Петровская реформа – пусть даже исторически необходимая, но все же жестокая революция.

Разумеется, есть разница и в масштабах преобразований. И в силу исторических условий, и в силу своего нездоровья, и в силу кратковременности своего правления, начинания Федора ограничивались, как верно пишет Сергей Платонов, «верхними слоями московского общества». То есть эволюционные устремления царя Федора (за исключением отмены местничества) не выходили за пределы Москвы и придворного мира, в отличие от Петровской реформы, изменившей всю страну.

Но если говорить о реформаторском духе, то именно Федор сумел первым подняться на принципиально важную ступень выше отца. Алексей Михайлович ни в чем не противодей-

ствовал новшества, к которым стремились многие влиятельные люди из его окружения, даже сочувствовал им, но и не давал государственного благословения на проникновение в русскую жизнь новых европейских идей.

Царь Федор Алексеевич это благословение от своего имени, а, значит, и от имени государства, дал. И это, полагаю, самое важное, что произошло в годы его правления. Еще раз процитирую Платонова: «Слабый и больной Федор Алексеевич немного сделал в этом (реформаторском) направлении, но драгоценно то, что он личными симпатиями определеннее своего отца стал на сторону реформы».

Я бы сказал, намного «определеннее». Можно только пожалеть, что царь Федор Алексеевич правил Московским государством столь короткий срок. Если бы судьба отвела ему больше времени, не исключено, стране не пришлось бы испытать на себе позже всех тягестей петровских времен. Перемены бы произошли, но не революционно, а эволюционно.

В любом случае царь Федор сделал все, что мог. Возможно, даже больше, чем мог, если вспомнить о его тяжелой болезни. А такое скажешь далеко не о каждом. О тех, кто правил нашим Отечеством, – тем более.

Никита и Акинфий Демидовы – первые русские «рудознатцы»

Так уж получилось, что Россия, столь богатая ресурсами, очень долго даже не ведала, что сидит на мешке с золотом. Еще меньше знала, как этим богатством воспользоваться. Первые достоверные сведения о горном деле появляются лишь в эпоху Ивана III, когда в бассейне Печоры случайно наткнулись на серебряные и медные руды. Только при Михаиле Романове в 1628 году на Руси появился первый завод для выделки железа, хотя и в данном случае слово «завод» большое преувеличение – куда точнее просто «кузница». Поэтому и дальше столь необходимое государству железо, не говоря уже о других металлах, привозили в основном из-за рубежа.

Часть чрезмерно патриотически настроенных историков и в этой области сотворила немало мифов, рассказывая о том, что уже в самые давние времена русские были чуть ли не главными экспортёрами металла в Европу. Это далеко не так. А уж во времена Петровских реформ страна испытывала в этом смысле просто отчаянный голод. Амбициозные петровские планы потребовали среди прочего сильной армии, а та в свою очередь много, очень много металла.

Между тем страна подошла к этому периоду, если говорить о горнорудном деле, почти девственно безграмотной. Или точнее так: над этой проблемой ломали голову уже давно, потому и выписывали из-за рубежа «рудознатцев» и при Алексее Михайловиче, и даже до него. Кое-что приезжие мастера на русской земле нашли, однако этого было катастрофически мало, а главное, – нельзя было в преддверии большой европейской войны полагаться лишь на пришлых специалистов. И на закупки оружия за рубежом. От такой зависимости необходимо было избавляться. Срочно требовались собственные кадры – отечественные знатоки рудного дела.

У нас до сих пор больше вспоминают о Петре-кораблестроителе. И это дело, безусловно, важнейшее, однако и без современного по тем временам горного дела не получили бы русские выход к Балтике, а Московия так и не стала великой державой – Россией.

Заслуга Петра и здесь очевидна, и все же: одно дело отдать приказ, другое – сделать. Род Демидовых – вначале простые кузнецы, а позже богатейшие на русской земле вельможи, заводчики, основатели городов на Урале и в Сибири, породнившиеся под конец с династией Бонапартов, – это и есть те дельцы-практики, кто реализовал замысел Петра. И прежде всего это, конечно, основатель рода Никита и его сын Акинфий Демидовы (первоначально Антуфьевы).

Более поздние Демидовы больше прославились в Европе своими тратами и чудачествами (богатство, благодаря предкам, было огромное, а тяга к развлечениям безмерной). Да и титулы потомки кузнецов носили звонкие: правнук Акинфия – князь Сан-Дonato был женат на племяннице Наполеона.

Впрочем, среди потомков Демидовых есть, конечно, не только пустые личности. Достаточно вспомнить Павла Николаевича Демидова – основателя престижных Демидовских премий (1831 года) – своего рода российский аналог Нобелевки, лауреатами которых были Пирогов и Менделеев, Сеченов, Якоби и многие другие. Или Демидовский лицей, основанный другим представителем этого рода – Павлом Григорьевичем.

Мы часто даже не догадываемся, что смотрим на демидовский след в истории. Кто помнит, например, что знаменитый брюлловский «Последний день Помпеи» – это заказ одного из Демидовых? Кто знает, что Демидовы переписывались с Вольтером, Линнеем и Бюффеном?

Но, как и во всяком деле Петровских реформ, и здесь не обошлось без жертв. Впрочем, в России эпоха гуманизма и по сей день в полном смысле этого слова еще не наступила. Заводские рабочие, те же крепостные, цементировали фундамент будущей империи не только своим

потом, но и кровью. И характеры у Демидовых были, бесспорно, жесткие. Но эволюционер совсем не обязательно «добрый дядюшка», это человек, который меняет мир без потрясений его основ. Основы российского государства революционно менял Петр I – для одних великий реформатор, для других «антихрист», а Демидовы закладывали основы горного дела. Но если для этого требовалась жесткость, они ее, не колеблясь, проявляли. В рамках представления о нравственности, присущего не им лично, а тому суровому времени.

Кузнец Никита, чей отец был простым крестьянином, судя по всему, грамотой не владел, а сын Акинфий получил лишь церковно-приходское образование, что не мешало им ворочать огромными делами и зарабатывать уже очень большие по тем временам деньги.

Демидовская история начинается с разнообразных легенд. Существует, например, такая: проезжая через Тулу, Петр потребовал найти ему кузнеца, который смог бы выковать несколько алебард по иностранному образцу. Не побоялся только Никита. И поначалу почти в этом раскаялся: увидев крепкого, высокого мужика, царь тут же захотел забрать его в гренадеры, чего Демидову совсем не хотелось. Петр рассердился, но потом обещал: «Если выкуешь мне триста хороших алебард, помилую». Кузнец выковал, да еще раньше срока, за что и получил тройную цену.

Впрочем, есть и другие версии знакомства царя с кузнецом. По одной из них речь идет не об алебардах, а об иностранном оружье, которое Петр отдал Никите на починку. А когда Никита отдавал его царю, то якобы заверил, что может сделать и лучше. Петр, не любивший хвастовства, пришел в ярость: «Сначала сделай, а потом хвастайся». На что Никита спокойно ответил: «Сначала посмотри, а потом уж дерись». И подал ему новое оружье, намного лучше иностранного. Короче говоря, легенд вокруг Демидовых – масса. И какая из них ближе к истине, сказать уже сложно.

Как бы то ни было, но характеры обоих исторических персонажей эти легенды передают верно. Царь, как известно, был крут, но и у Никиты характер был твердый. Так что кузнец Петру понравился и мастерством, и смелостью. Эти качества Петр Алексеевич ценил. Потому государь и распорядился выделить Демидычу (по батюшке Никита был Демидович – отсюда и пошла новая фамилия) недалеко от Тулы землю для добычи железной руды. С этого и началось возвышение рода. А с ним и зарождение горнорудной промышленности в нашей стране.

В воспоминаниях часто приводится разговор адмирала Апраксина с Петром. «Хорошо бы тебе иметь сотню таких слуг, как Никита», – заметил однажды адмирал. «Хорошо бы хотя бы пять-шесть, как Демидыч», – вздохнул Петр. Толковых людей реформаторам всегда не хватает.

Поскольку руда под Тулой оказалась не лучшего качества, Демидовы довольно скоро перебрались на Урал и уже там развернулись вовсю. К этому времени на Урале были небольшие примитивные заводы, построенные еще по приказу царя Алексея Михайловича, но работали они плохо. Часто останавливались, да и производили некачественную и очень дорогую продукцию. Демидовы, которые с благословения Петра прибрали все это хилое хозяйство к рукам, его преобразили.

А если точнее, это стало делом рук уже не Никиты, который остался при тульском производстве, а его сына Акинфия. Именно с его именем связан расцвет дела Демидовых на Урале. Отец бывал здесь лишь наездами, помогая советами.

За двадцать лет работы уже после смерти отца Акинфий открыл множество месторождений со свинцовыми, серебряными и медными рудами, организовал немало новых заводов, не говоря уже о том, что модернизировал старые. Под конец жизни Акинфий по своим полномочиям, полученным от властей, мог вполне соперничать с князем. Для защиты от набегов (все-таки Сибирь еще не была освоена полностью) ему разрешалось даже строить крепости и содержать для их обороны солдат. Учитывая, чем занимался Акинфий, полагаю, с пушками у этих крепостей проблем не было.

Пока был жив Петр, государь за делами Демидовых, при всем к ним доверии, тем не менее приглядывал, периодически посылая на Урал с проверкой своих людей и соответствующие письма. В одном из них говорилось: «Памятовать тебе, Никита, что такие тебе заводы отданы у руд, каковых во всей вселенной лучше нет, за твою верную службу. А при заводах – леса, хлеба, живности». Напоминал государь и о неминуемом наказании, если Демидовы свой долг будут выполнить не по совести. Там же велел ленивых наказывать, но не быть жестоким. Отвечать «о всех содеянных делах» придется, писал Петр, «пред престолом Божиим».

Конечно, можно утверждать, что своим успехом Демидовы обязаны благосклонности Петра, тем льготам и новым владениям для расширения производства, которые им предоставляло государство. Не говоря уже о том, что Демидовым не приходилось искать рынок сбыта для своей продукции – в ней отчаянно нуждалась не только армия, но и вся Россия. Все это так, но, с другой стороны, не было бы демидовского трудолюбия, не овладевали бы они новыми технологиями, не было бы их вечного стремления сделать больше и лучше, не было бы и государственной благосклонности, не было бы ни льгот, ни денег, ни успеха.

Надо учесть и тот факт, что протекционизм в Европе был в ту пору в моде. Скажем, во Франции, благодаря протекционистской политике Жана-Батиста Кольбера, фактического главы правительства при Людовике XIV, страна создала и значительно улучшила свои мануфактуры. Так что Демидовы для той поры, на самом деле, не исключение, а как раз правило. Некоторые, правда, считают, что Петр был крайним протекционистом, не жалея для своих реформ ничего. Возможно, и так, но и положение России было другим, чем у Франции.

Не стоит забывать и о том, что, вдохновленные удачей Демидовых, на Урал отправилось тогда немало дельцов. И у них были льготы, поскольку одного демидовского железа России все равно не хватало. Только вот столь крупный успех и столь прочная историческая память, видимо, не случайно обошли их стороной.

Размах дела был столь велик, что крепостных, официально приписанных к заводам, Демидовым не хватало. На свой страх и риск в заводские рабочие они нередко брали ссыльных или беглых каторжан, которых в тех краях хватало. Поэтому во время многочисленных ревизий эту рабочую силу прятали в подвалы. Некоторые источники утверждают, что в крайнем случае, чтобы не попасться, «лишних людей» даже топили в реке. Выдать клейменных рабочих, да еще нередко с вырванными ноздрями, за простых крепостных было невозможно.

Правда, все эти ужасы приписывают в основном потомкам Никиты и Акинфия – о первых Демидовых достоверных сведений меньше, больше слухов. Во всяком случае, сам за себя говорит тот факт, что на начальном этапе вся эта ссыльно-каторжная, неучтенная официально рабочая сила прибывала на заводы Демидовых по доброй воле. Сюда же, кстати, можно приплюсовать обычных беглых крестьян и рекрутов-дезертиров. Многие из беглых, при всей тяжести работы на демидовских предприятиях, рассматривали их, по сравнению с каторгой, военной службой или жизнью у помещика-деспота, как спасительный остров посреди беспощадного океана. Демидовы все-таки предоставляли кров и корм, более того, даже платили.

Характерен и другой факт. Именно Акинфий просил у властей, чтобы на его заводах и поблизости не было кабаков, которые губят рабочих. Власть милостиво разрешила, но при условии, если Акинфий будет сам вносить в казну деньги, поступавшие от питейных заведений. Он тут же согласился.

А вот что касается потомков, то тут доказательств жестокого обращения с рабочим людом действительно хватает с избытком. Как написал один дореволюционный биограф Демидовых, «не в отцов пошли дети». Недаром история позже зафиксирует нередкие бунты на демидовских заводах и в их владениях. Все эти бунты подавлялись предельно жестко. Как уж Демидовы позже оправдывались «перед престолом Божиим», о котором их предкам напоминал Петр I, не знаю. Впрочем, как оправдывался перед Господом за свои деяния сам Петр I, не знаю тем более.

Постепенно демидовский бизнес распространился и на Сибирь. Хотя далось это Демидовым уже непросто. Число завистников росло, а вместе с ними росло число доносов и ревизий. Наконец, вслед за деловыми людьми на Урал и в Сибирь пришла бюрократия. Помимо властей, ведавших непосредственно горнорудной областью, существовал еще и Сибирский приказ, которому весь регион подчинялся в административном и судебном отношении. Наконец, были заказчики – военное и морское ведомство. И вся эта братия беспрерывно строчила все новые указания, постановления и инструкции, рассчитывая при этом на хорошую «кормежку» от Демидовых.

И здесь ситуация со временем коренным образом изменилась. Рассказывают, что Акинфий представителей разнообразных ведомств просто гнал со двора взашей, приговаривая: «У тебя приказ от воеводы, а у меня от самого государя». А вот позже и все необходимые взятки Демидовы давали, и разнообразные «волокиты» терпели. Бизнес это, конечно, притормаживало, но дело все равно шло и даже процветало. Тем более что именно демидовские потомки впервые в России начали добычу рассыпного золота.

Ожесточенную войну вели Демидовы с известным историком и влиятельным в ту пору государственным деятелем Василием Татищевым, который в 1720 году был назначен начальником на уральские казенные заводы. Борьба была длительной, а обвинения по большей части взаимно справедливыми. Татищев засыпал Берг-коллегию жалобами на Демидовых. Однако и ответные жалобы Демидовых имели под собой основание. Татищев, например, в отместку на непослушание Демидовых велел устроить около их заводов заставы, которые не пропускали хлеб, из-за чего рабочие голодали и умирали. В конце концов, Демидовы победили: Петербург вывел все их хозяйство из-под контроля Татищева.

Неудивительно: к этому времени несметные богатства Демидовых обеспечили им особое положение в стране, с которым приходилось считаться даже государям. Тем более и императорам приходилось брать у них в долг. В первую турецкую войну взять в долг (четыре миллиона!) захотела, например, Екатерина II. Однако Прокофий Демидов ей отказал, ответив довольно дерзко, мол, тем, кто меня и высечь может, в долг не даю. Деньги он дал лишь одному из братьев Орловых, да и то поставил условие: не вернет в срок – прилюдно влепит графу три оплеухи. И всемогущая Екатерина вместе с гордыми братьями Орловыми на это согласилась! Демидовы – это была уже сила!

В 1709 году бывшему тульскому кузнецу Никите Демидову было пожаловано личное дворянство. Позже, в царствование Екатерины I, эта милость-награда была распространена и на его потомство.

Память о демидовском роде осталась разная: и доброе дело делали, и чудили без меры, и жестокостью прославились. Все было.

Но Никита и Акинфий – статья особая. И они не были ангелами. Но рудокопы нигде и никогда на такую честь и не претендовали.

Зато дело для России сделали великое.

Князь Дмитрий Михайлович Голицын. первая попытка ограничить самодержавие

Время правления Екатерины I и Петра II периодом самодержавия можно назвать лишь с оговорками. Власть Меншикова и членов Верховного тайного совета, прозванных в народе верховниками, усилившееся влияние боярских родов, в первую очередь рода Долгоруких (они взяли под свою опеку Петра II после падения Меншикова), прямое вмешательство иностранцев в решение важнейших для России вопросов – все это на практике значительно сужало возможности самодержавия.

Хотя, если исходить из исторических реалий, самодержавие себя еще не исчерпало, все зависело от того, в чьих руках находилась власть. Иван Грозный, не без оснований полагая себя единственным подлинным самодержцем в Европе, чаще всего власть использовал лишь как кнут. Петр Великий, в чьей голове, как замечено аналитиками, «блеснула идея народного блага», унаследовав самодержавие, заставил его работать на Россию, силой сажая русских за букварь, пинками подгоняя своих подданных в Европу. То есть Петром самодержавие использовалось уже и как кнут, и как инструмент преобразований.

Со смертью реформатора Россия, покотившись вперед по рельсам, проложенным Петром I, как вагон без паровоза, стала постепенно притормаживать. Самодержавие стремительно теряло не только то, что на короткое время «блеснуло» в голове Петра Великого, но и то, что унаследовало от Ивана Грозного, а именно – непререкаемый авторитет и силу.

Уже на закате российского самодержавия Ключевский в дневнике (не для печати) приводит следующее справедливое рассуждение: «Самодержавие – не власть, а задача, то есть не право, а ответственность. Задача в том, чтобы единоличная власть делала для народного блага то, чего не в силах сделать сам народ через свои органы. Самодержавие есть счастливая узурпация, единственное политическое оправдание которой – непрерывный успех или постоянное уменьшение поправлять свои ошибки и несчастья. Неудачное самодержавие перестает быть законным».

Первую попытку исправить положение, в котором оказалась Россия, предпринял князь Дмитрий Михайлович Голицын. Княжеский род Голицыных в нашей истории не раз выходил на первый план, хотя и по-разному. Кто-то был известен своей образованностью и тягой к реформам, как, например, фаворит царевны Софьи Василий Голицын. Именно он первым пришел к выводу, что преобразование российского государства должно начинаться с освобождения крестьян. Другой князь – Борис Голицын, служивший в годы малолетства Петра его матери Наталье, напротив, «влип в историю» из-за запойного пьянства, в результате чего буквально разорил Поволжье, которым управлял.

Дмитрий Михайлович запомнился современникам честностью и неподкупностью, хотя и занимал в государстве самые высокие, как теперь сказали бы, «корруптоемкие» посты: был «верховником», а в Сенате заведовал как раз финансовыми вопросами. Но главное – именно этот Голицын остался в отечественной истории как человек, который первым попытался ограничить в России самодержавие, будучи сторонником конституционной монархии.

Попытка осовременить и сделать более эффективным политический строй Российского государства была рискованной, но он на этот риск пошел. Не ради собственной выгоды – ради России. После смерти Петра II в 1730 году, когда прекратилась мужская линия дома Романовых, русской элите пришлось выбирать не императора, а императрицу, хотя это и противоречило традициям. Недаром еще во время присяги Екатерине I мужики в некоторых деревнях, если верить источникам, отказывались это делать, считая, что императрица – правительница

исключительно для женщин. Нелепо, конечно, но к тому, что империей может управлять и женщина, русские люди привыкли не сразу.

Решение принималось узким кругом наиболее влиятельных в ту пору лиц: пять членов Верховного тайного совета, три члена Святейшего синода и несколько наиболее влиятельных фигур из Сената и генералитета.

В списке кандидаток на российский престол значилось шесть имен. Во-первых, княжна Екатерина Долгорукая, на которой собирался, но так и не успел жениться Петр II. В принципе, и это было возможно, поскольку, согласно петровскому закону о престолонаследии, правитель мог в завещании назвать своим преемником любого. Этим и воспользовались Долгорукие, составив подложное завещание. Подлог не прошел, потому что согласия не было даже в самом роду Долгоруких. Но если не все Долгорукие признавали подлинность документа, то что говорить об остальных!

Вторую идею – провозгласить государыней первую жену Петра Великого – Евдокию Лопухину – также отклонили: преклонный возраст претендентки говорил не в ее пользу. Оставались две дочери Петра Великого – Анна и Елизавета – и две его племянницы, то есть дочери царя Ивана – Екатерина и Анна.

На всякий случай напомним, что после смерти царя Федора в результате борьбы между Нарышкинами и Мстиславскими на трон в качестве компромисса усадили сразу двоих подросков: Петра – от клана Нарышкиных и слабоумного Ивана – от клана Мстиславских. Конечно же, реально Иван в силу своего слабоумия не правил, да и умер быстро, однако потомство – двух дочерей – оставил. Они-то и были среди претендентов на трон.

История сохранила речь Дмитрия Голицына, ставшую на совете решающей. Вот ее фрагмент: «Есть дочери Петра, рожденные до брака от Екатерины, но о них думать нечего... Нам надобно подумать о новой особе на престол и о себе также... Есть прямые наследницы – царские дочери. Я говорю о законных дочерях царя Ивана Алексеевича. Я бы не затруднился указать на старшую из них, Екатерину Ивановну, если б она уже не была женою иноземного государя – герцога Мекленбургского, а это неподходящее для нас обстоятельство. Но есть другая сестра ее – Анна Ивановна, вдовствующая герцогиня Курляндская! Почему ей не быть нашей государыней? Она родилась среди нас, от русских родителей; она рода высокого и притом находится еще в таких летах, что может вступить вторично в брак и оставить после себя потомство».

В выступлении князя скрывалось много подтекста. Любопытно, например, что Голицын сходу отвергает кандидатуры дочерей Петра, и ни у кого эта позиция не вызывает протеста. Причины очевидны: обе дочери реформатора рождены не только от иностранки, но и до брака, а значит, с точки зрения церковной и общепринятой тогда морали, на них лежит клеймо незаконнорожденных.

В самой России, пока был жив Петр Великий или пока правила Екатерина I, подобные «детали» уходили на второй план, но теперь прослеживалось очевидное желание русской аристократии все вернуть в приличное, «благородное» русло. Кстати, сложности, возникшие при попытках Петра I породниться с французским королем, выдав за него свою дочь Елизавету, имели ту же самую подоплеку, хотя по дипломатическим соображениям о столь деликатном вопросе вслух, естественно, не говорили.

Этим и воспользовался Дмитрий Голицын. Его самого вопрос крови интересовал мало, а вот вопрос эффективности политического строя – очень. В 1697 году, будучи уже зрелым человеком, Голицын отправился в заграничное обучение, побывал во многих европейских странах, где, в отличие от большинства русских, проявлял интерес не к «железкам», а к политике и философии. По свидетельству очевидцев, его библиотека была заполнена трудами европейских политических мыслителей. А самой прогрессивной политической формой государственного строя в Европе в ту пору была конституционная монархия. Отсюда и многозначительные слова, что помимо вопроса о выборах новой императрицы, «надобно подумать и о себе также».

Слушатели этот пассаж поначалу прозевали, и Голицын, когда вопрос о выборе Анны Иоанновны был решен, к важнейшей для него теме возвращается вновь. «Выберем кого изво-лите, господа, – настойчиво напоминает он, – только, во всяком случае, нам надобно себе полегчить». И тут же предлагает «составить пункты и послать их государыне». Так и родились знаменитые в нашей истории «кондиции», то есть условия, направленные Анне Иоанновне вместе с предложением занять русский престол.

Вот эти «кондиции»: «Государыня обещает сохранить Верховный Тайный совет в числе восьми членов, и обязуется без согласия с ним не начинать войны и не заключать мира, не отягощать подданных новыми налогами, не производить в знатные чины служащих как в стат-ской, так и в военной сухопутной и морской службе выше полковничьего ранга, не определять никого к важным делам, не жаловать вотчин, не отнимать без суда живота, имущества и чести у шляхетства и не употреблять в расходы государственных доходов».

Позже к этим пунктам добавили жесткую приписку: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской!»

Что же касается самой кандидатуры, то она была выбрана Голицыным, разумеется, не случайно. И вовсе не потому, что князь верил в особые достоинства Анны Иоанновны. Наоборот, в этой кандидатуре Голицына привлекали как раз ее слабости. Голицын справедливо посчитал, что для реализации его планов легче иметь дело с Анной Иоанновной, чем с Елизаветой Петровной. Добиться ограничения прав дочери Петра было тогда гораздо сложнее, чем ограничить в правах дочь Ивана – в ту пору Курляндскую герцогиню, прозябавшую в европейской провинции.

Бытует любопытная гипотеза, что идею посадить на престол «слабую императрицу» Дмитрию Голицыну подсказал шведский опыт. Воцарение Анны Иоанновны действительно очень напоминает историю с вступлением на престол в 1719 году сестры Карла XII Ульрики-Элеоноры. Там точно так же происходит избрание заведомо слабого кандидата на престол с одновременным ограничением его полномочий. Шведский след обнаружен историками и в самих пунктах условий, предложенных «верховниками» Анне Иоанновне.

Выходит, что Голицын на самом деле проводил многоходовую комбинацию. Он целенаправленно остановил свой выбор на самом слабом из кандидатов, уже имея в голове план ограничения полномочий Анны Иоанновны.

Инициатива Голицына, поддержанная Верховным тайным советом, вызвала противоречивую реакцию среди дворян. А их в этот момент в Москве оказалось больше, чем обычно. Многие приехали из провинции на свадьбу молодого императора с княжной Долгорукой, а попали на похороны и избрание нового государя. В это время самые известные московские дома стали дискуссионными клубами, где обсуждалась программа ограничения самодержавия. Дело было для России невиданное, а потому посягательство на самодержавную власть поддерживали далеко не все.

Дмитрий Голицын и остальные члены Верховного тайного совета от дискуссии не уклонялись, напротив, готовы были рассматривать любые предложения. Датский посланник Вестфален информировал свое правительство, что двери Совета оставались открытыми целую неделю, и каждый из дворян имел возможность высказаться. Секретарь французского посольства Маньян сообщал из Москвы: «Здесь на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента». «Партий бесчисленное множество, – докладывал в Мадрид испанский посол де Ли-риа, – и хотя пока все спокойно, но, пожалуй, может произойти какая-нибудь вспышка».

Наибольшим скептиком показал себя прусский посол Мардефельд: он констатировал, что русские дворяне желают свободы, но не способны договориться о мере ограничения самодержавия.

Некоторые исследователи говорят о двенадцати различных проектах, подготовленных в этот короткий период. Василий Татищев, например, основываясь на западном опыте и истории русских Земских соборов, призывал не ограничивать самодержавие, но избирать нового государя, привлекая к выборной процедуре все дворянство, некоторых персонально, а других через поверенных.

Сам Дмитрий Голицын, если верить депешам иностранных послов, предлагал оставить императрице полную власть только над двором и над небольшим отрядом гвардейцев для ее охраны. Деньги на эти цели предполагалось выделять из государственного бюджета. Вся же власть в области внешней и внутренней политики, согласно замыслу Голицына, должна была перейти к Верховному тайному совету, чей состав предполагалось расширить до двенадцати человек.

Согласно плану Голицына, восстанавливался и Сенат из тридцати шести человек. В обязанность сенаторов входило предварительное рассмотрение всех дел, подлежащих обсуждению «верховников». Но и это не все. Князь предлагал создать двухпалатный парламент: одна палата из двухсот членов представляла бы интересы дворянства, другая предназначалась для защиты интересов купцов, горожан и вообще народа от «несправедливостей» – по два выборных человека от каждого города.

Впрочем, слово «народ» в данном случае надо понимать верно. Низы в дискуссии не участвовали. Речь шла, понятно, не о демократии – до нее еще было очень и очень далеко. План предоставлял реальную власть лишь ограниченному кругу лиц, но по сравнению с тем, что было до того на Руси, проект Голицына, бесспорно, являлся прорывом от абсолютизма к конституционной монархии.

Планы Голицына и его сторонников, как известно, провалились. Условия Анна Иоанновна, правда, формально приняла, однако, выезжая из Курляндии, уже прекрасно знала, что в Москве ее ждет поддержка сторонников самодержавия, а главное – гвардии. Так что, приехав, просто прилюдно разорвала все «кондиции» и спокойно уселась на престол, рядом с которым устроился и ее фаворит – Бирон.

Бунтовать князь Голицын, разумеется, не стал. Он был не бунтарем, а эволюционером. Князь лишь с горечью заметил: «Я знаю, что паду жертвой неудачи этого дела; так и быть, пострадаю за отечество; но те, кто заставляет меня плакать, будут плакать дольше моего».

Николай Иванович Новиков. Тяжкий крест просветителя

Есть такое замечательное слово «просветитель». Это как раз о Николае Ивановиче Новикове – одной из крупнейших фигур эпохи Русского Просвещения. Да, была и такая, незаслуженно забытая многими эпоха в нашей истории.

Это вторая половина XVIII века, на троне Екатерина II. Как раз тогда Александр Радищев написал «Путешествие из Петербурга в Москву», которое дало толчок появлению русской интеллигенции. Это тогда появился фонвизинский «Недоросль» – не столько комедия, сколько жесткая сатира на тогдашний русский быт. Это в ту пору в столичных салонах велись горячие споры о Великой французской революции, которые и привели в конечном итоге русских к расколу на западников и русофилов. Это тогда масон князь Михаил Щербатов написал свою смелую работу «О повреждении нравов в России», где впервые в нашей истории столь резко, прямо, а главное, убедительно критиковалась политика власти и нравы придворной среды.

В те времена большинство наиболее образованных и совестливых русских людей подались в масонские ложи. (Просьба не путать с современным масонством, это – как небо и земля.) Как утверждал Николай Бердяев: «Масонство было у нас в XVIII веке единственным духовно-общественным движением, значение его было огромно... Лучшие русские люди были масонами... Масонство было первой свободной самоорганизацией общества в России, только оно и не было навязано сверху властью». Вот и выходит, что не говорить о масонах означает не говорить «о лучших русских людях» эпохи Екатерины.

Поскольку и Николай Новиков был одним из русских масонов, причем одним из крупнейших, придется поговорить и об этом. Да и вообще рассказывать о России той поры и не говорить о русском масонстве – это все равно что преподавать астрономию, вычеркнув из нее космологию Коперника или концепцию о бесконечности Вселенной Джордано Бруно. Мы ходим по улицам масона Баженова, читаем масона Грибоедова, восхищаемся победами масона Кутузова, любимся картинами масона Боровиковского. Даже сам символ русского патриотизма – памятник Минину и Пожарскому на Красной площади – и тот работа вольного каменщика Мартоса.

Кстати, запрет на правду о масонах возник отнюдь не в советские времена, как у нас часто полагают, а гораздо раньше, как раз во времена Екатерины II, которая увидела в масонах опасных соперников. Причин несколько. Во-первых, кому хочется читать правду (скажем, у того же Щербатова) о распушенности при своем дворе?

Но самое главное все же не это. Пока мысли масонов были замкнуты «малым миром» – вопросами самосовершенствования человека, это не очень беспокоило императрицу, но когда в центре внимания каменщиков оказался «большой мир» и в ложах началась дискуссия о том, как «устроить счастье соотечественников», как «созидать благо общественное», Екатерина почувствовала для себя угрозу.

Крайне настораживало императрицу, например, отношение масонов к крепостному праву. Масон Семен Гама-лея, прославившийся тем, что однажды отказался принять в награду триста душ крепостных (заявив, что, не разобравшись с собственной душой, не может взять на себя ответственность за сотни других), утверждал, что прегрешения крепостных есть следствие прегрешений их хозяев, и только. Власти подобные рассуждения нравиться, разумеется, не могли.

Короче говоря, в разговоре о Новикове без вольных каменщиков не обойтись, поскольку именно масонские идеи и сделали его великим просветителем. Философ Иван Киреевский в статье 1829 года сетовал, что многие в России о Новикове и не слышали, хотя тот по своим

масштабам сопоставим с американским масоном Франклином. Он «действовал, – пишет Киреевский, – таким же образом на противоположном конце земного шара; но последствия их деятельности были столь же различны, сколько Россия отличается от Соединенных Штатов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.